4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 22 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮНЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

Американские банки отказали Пилсудскому в займе, вследствие чего наблюдается дальнейшее падение злотого.

(Из газет)

Рис. Л. Бродаты

— Позвольте спросить, ясновельможный пане маршал, каким колером окрасить орла: черным, альбо красным?

— Мне бы его позлотить.

Рис. Б. Покровского

ПОЧТИ ОДНОФАМИЛЬЦУ

Английский суд приговорил коммуниста Прута к высылке в СССР (Из газет)

Закон британский—прост: не выпрут, так запрут,
(В игре созвучных слов—я вижу указанье!)
Благодари ж, любезный Прут,
Своих судей за наказанье —
Тебе недаром говорит Прутков:
Ты избежал Прут, ков!

Ив. Пр.

МЕНДЕЛЬ МАРАНЦ ИЩЕТ ДАЧУ

(ПАРОДИЯ)

I

— Что такое дача? — сказал Мендель Маранц вчера в кругу семьи:—Это—лихорадка. Она возобновляется каждую весну.

— Однако, ею болеют все порядочные люди,—возразила жена его, Зельда.

— Почему? Потому, что это не только болезнь, а еще и эпидемия: она заразительна ибо может ли не быть на даче жена Маранца, если там живет жена Померанца?—усмехнулся Мендель.

— Когда я работала на фабрике, — вспомнила дочка Сарра, — я получала место в Дому Отдыха. Это было дешево, удобно, весело и хорошо.

— Что такое Дом отдыха? Это—лотерея: из многих играющих, мало выигрывают, — сказал Маранц.—Что такое Дом отдыха? Это—сенсационный процесс. Трудно попасть и тесно сидеть. Это—теплушка:—пока попадешь—тебе выломают все тело, а потом—как сельди в бочке.

Сарра возмутилась:

— Не говори так, отец! В тебе говорит классовое непонимание. Там очень хорошо и с каждым годом все лучше. Курорты—для рабочих, дачи—для обывателей! Когда мы не были богачами и ты не изобрел еще эту машину для домашнего употребления, когда я работала на фабрике ..

— Довольно! — сказал Маранц, вставая. Он не любил этих воспоминаний.

— Что такое семья? Это—яд: как ни принимай его—все равно, не сладко.

Что такое семья? Это—долгосрочный вексель: получил раз, а платишь всю жизнь!

—Хорошо, я поеду искать дачу.

И Мендель Маранц „взял трамвай" и отправился искать дачу.

II

— Что такое трамвай? — автомобиль для тех, кто борется с излишествами!

Что такое трамвай?—рабфак для воришек. У меня в давке вчера вытащили кошелек.

Мендель ехал уже по дачной местности. Он сказал себе:

— Собственно, в деле дачного разрушения мы уже давно перешагнули до-военную норму.

Мендель был раздражен. Особенно его сердили и раздражали вывески Домов Отдыха. Он говорил:

— Эти пролетарии имеют свои „Дома Отдыха". Дайте же мне хоть отдых дома! Но где там: то забастовка в Англии, то Пилсудский в Польше, то вдруг новая квартирная плата, а то расстрел за валюту. Тут никакая дача не поможет.

Мимо мелькали чудесные отремонтированные, уютные, приветливые дачи, дворцы бывших богачей.

— Хорошо, что хоть я тогда был бедняком, лудильщиком,— подумал Маранц:— мне теперь не приходится жалеть, что в моем дворце—Дом отдыха, потому что у меня не было дворца.

Мне лучше, чем Митьке Рубинштейну. Или даже Рябушинскому, или Яше Теперу в Одессе. Он же был „миллионером": у него было своих десять тысяч в банке.

Мелькали вывески на воротах кокетливых дач:

— Дом Отдыха Союза!
— Дом Отдыха Пищевиков!
— Дом Отдыха Ученых!
— Санатория ГПУ!
— Дача Швейпрома!

Трамвай мчал Маранца мимо всех этих дач. Маранц думал:

— Когда лучшие дачи заняты для рабочих, мы должны брать, что осталось.

Что такое история? Это— кусок пирога на тарелке. Тарелку покрутили на столе рабочей рукой,—и ваш пирог уже кушает другой. Дайте нам хоть крошки со стола!

III

Маранц приехал довольно поздно. Ему везде говорили: дач нету. Даже все кухни заняты, все собачьи конуры пошли под особняки. Теперь все бросились на дачи.

— Что значит „особняк"? — меланхолически сказал Маранц. — Это—всего 12 жильцов с 45-ю детишками. Почему дачники так многосемейны?

Он ходил по курортным дачам — потом обратился к частным.

— Сколько за эту комнатку? Тут квадратных саженей меньше, чем гигиены!

На что дачевладельцы отвечали:

— Квадратных саженей, действительно, в этой комнатке не найдете, но кровать и стол дадим.

— И сколько?

— 480.

— За сколько лет?

— За один сезон.

— Что такое дачевладелец?—меланхолически сказал Маранц.—Это комар: он кусает только летом. Что такое домовладелец. Это—медведь, он сосет зимой свою лапу, в которой крепко зажаты ваши деньги.

Маранц ездил целый день. Он запоздал с дачей. Он еще не нанял ее. Он вернулся домой, сердитый и утомленный. А жена его, Зельда, сказала:

— Ты наверно плохо искал. Ты, может быть, даже не был на даче, а сидел у этой бесчестной женщины, Ривки? Ты хочешь, чтобы мы жили в городе и чтобы надо мной все смеялись!

И Зельда заплакала. Дочь Сарра сказала:

— Когда я работала на фабрике, о моей даче заботился Завком. Он успел больше, чем отец.

Маранц закурил трубку, сел в кресло и вздохнул:

— Что такое жена—плохой портной: она всегда все перелицует на другую сторону.

Незнакомец

ЭКОНОМ-ДОСТИЖЕНЬЕ

(КУРОРТ-ЭКОНОМИЯ)

Лежу под солнцем недвижим
И слышу волн напев бродяжий.
Экономический режим
Осуществляю здесь, на пляже.

Тону глазами глубоко
В зеленой чаще, в синем море,
И в золотисто-нежном взоре
Случайной спутницы в трико.

Уж не играю я в футбол!..
Дыша восторгом достижений,
Я *экономию движений*
До *неподвижности* довел.

Яков Годин

ДНЕВНИК АВТОМОБИЛЯ

Меня запугивали российскими дорогами. Говорили, что они очень плохие. Совсем не верно. Дороги не так уж плохи. Мостовые в городах гораздо хуже.

Мой шоффер еще не старый, но очень сердитый. Осмотрев меня, он стал совсем злой, стукнул меня кулаком по шине и сказал:

— Прочный этот болван. На починках тут много не заработаешь. Сволочи! Зачем только такие прочные автомобили делают!..

Странно: за то, за что дома меня хвалили, здесь ругают...

Едет на мне очень „ответственный". Он всегда садится рядом с шоффером, а сзади пусто...

Это для режима экономии. Автомобиль очень дорого стоит. „Ответственный" берет меня и пользуется мной только половиной...

„Ответственная" жена, однако, сидит сзади, когда она ездит по магазинам. Ездит-то она целый день с утра до вечера.

Странно: у „ответственной" жены почти через каждую неделю бывает другое лицо, другое имя и даже другая квартира.

Шоффер принес бензину и сказал:

— Дня на два хватит.

Я очень удивился. Мне казалось, что бензину будет на целую неделю. И старый запас еще не вышел.

Лицо у шоффера было на этот раз не сердитое. Уходя, он сказал:

— Детишкам на молочишко хватит.

Мне стало грустно. Неужели дети шофферов вместо молока пьют бензин? Бедные!

Мой „ответственный" ушел сегодня со службы раньше обыкновенного. Миновав меня, сел в другой автомобиль. Рядом с ним и напротив него сели двое, у которых на боку были наганы.

Мой „ответственный" был очень грустен.

Шоффер говорит, что это оттого, что „ответственные" жены не соблюдают режима экономии.

Неужели оттого, что они сидят в автомобиле на задних местах? Впрочем, я в этом не уверен. Может быть, отчасти еще и оттого, что они ездят по магазинам с утра до вечера. Наверно—не знаю.

Мой новый „ответственный" моложе первого. Садясь на меня в первый раз, он сокрушенно сказал шофферу:

— Я получаю 225 рублей, а полагающийся по службе автомобиль обходится государству больше, чем в 300. Нелепость!

Шоффер сказал:

— Больше трехсот. Сколько он бензину жрет, страсть! Не напасешься! И хрупкий очень!

— Чинился?

— Пока еще нет. Гляжу ведь в оба. Только на каждом повороте душа дрожит: вот отлетит какая-нибудь часть. Паршивая работа!

Вернулся в гараж в два часа ночи. „Ответственный" когда ехал домой, так громко пел, что все думали, что это радио. Веселый такой...

Шоффер говорит, что новый „ответственный" заехал в гости к старому „ответственному".

Это очень хорошо с его стороны.

Только шоффер говорит, что новый уже не застал старого и остался в его комнате, которая также называется и камерой, и что ему придется там пробыть несколько лет.

Я не беспокоюсь. Был бы автомобиль, а „ответственный" найдется.

Сегодня шоффер меня выстукивал, точно врач. При этом он опять ругал меня болваном, как в первый день. Вот его слова:

— Этот болван никогда не сломается. Железный какой-то... Если на этой неделе, однако, не будет поломки, то Митька останется совсем без сапог.

Что-то жутко мне...

Третий день отдыхаю. Шоффер добился своего. У Митьки новые сапоги. Совпадение: „ответственный" тоже отдыхает...

Починили. Здоровье, однако, стало хлипкое. Появились какие-то хрипы. Оси так и гудут, так и гудут...

У „ответственного" один сын на юридическом, другой на медицинском. Одна дочь в консерватории, другая в киностудии. Двое младших в школе первой ступени.

Всех надо развозить и привозить. Это при моем-то здоровьи...

„Ответственный" у меня теперь совсем еще молодой. Ему около 25-ти. Холостой. Ухаживает за молоденькой секретаршей. При моей инвалидности, это—весьма серьезное испытание.

Лежу на боку. Не выдержал секретарши... У дома, где она живет, теперь стоит другой автомобиль и сидит в нем другой „ответственный".

Мой последний „ответственный" сидит в другом месте...

О. Л. Д'Ор.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ РАБОТА

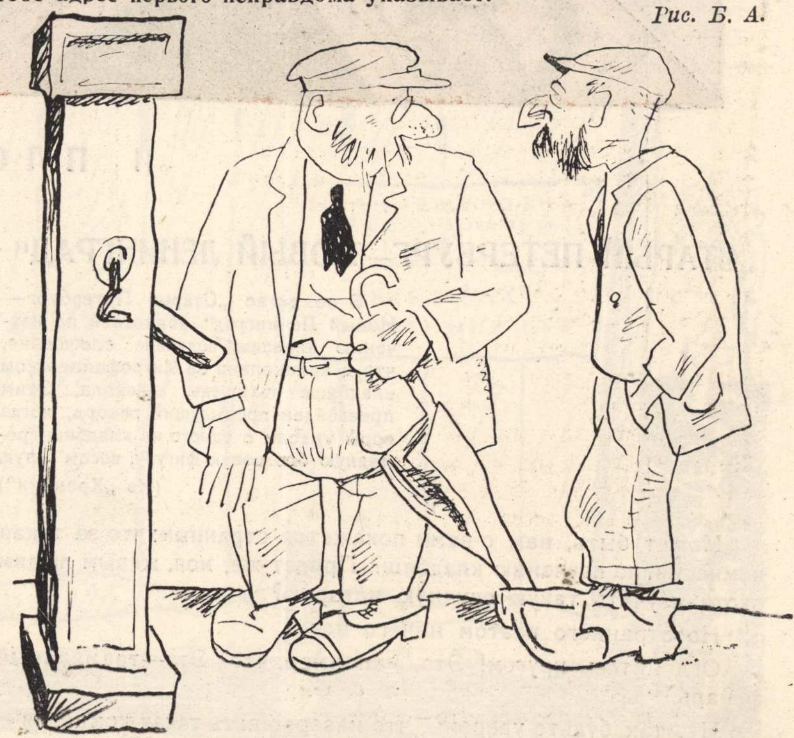
В Ленинграде устанавливаются на улицах 30 автоматов, указывающих, при опускании монеты, адреса учреждений. (Из газет)

Рис. Б. М.

— Ишь, стерва! Бросишь в его царский гривенник, а он сичас тебе адрес первого исправдома указывает!

Рис. Б. А.

— И гривенник опустил, и ответа никакого!
— Обождите, гражданин, — дайте автомату разобраться: теперь же эти учреждения только и переезжают с места на место!..

УГОЛКИ—

Рис. Б. Малаховского

И ПЛОЩАДИ

„СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ— НОВЫЙ ЛЕНИНГРАД"

В обществе „Старый Петербург—Новый Ленинград" комиссией по изучению кладбищ получено сообщение, что с колокольни на Митрофаниевском кладбище похищены колокола. Этим превзойден предыдущий рекорд, когда воры унесли с одного из кладбищ громадную бронзовую фигуру, весом 6 пуд.

(Из „Хроники")

Может быть, нам с вами покажется странным: что за такая комиссия по изучению кладбищ? Придет же, мол, живым людям охота изучать такую скучную историю?

Но странного в этом ничего нет.

Оглянитесь кругом! Это, например, что? Это—трамвайный фонарь.

Ну, так будьте уверены, что наверно есть такая комиссия— „по изучению трамвайных фонарей". И заседает эта комиссия, и наблюдает, как, мол, вообще трамвайные фонари? Чем, мол, они отличаются от дореволюционных? Так ли горят, или иначе?

А на кладбище—для изучения непочатый край. Тут вот—крестик, там—плиточка. Отчего же, если охота есть, не поизучать?

Тут, например, —

„Под сим камнем покоится прах майора Горобузина,
Почил в бозе в 1709 году".

Вот и смотри на него, и изучай. Какой-такой майор?

А устал изучать—можешь на этот самый камешек сесть и отдохнуть. Покойник—народ тихий, не сгонит. И сиди, как у себя дома.

Но это, конечно, теория. На практике—меня, по совести скажу, в эти симпатичные места захоронения и валютой не заманишь. На практике я тоже удивлялся, что за странная комиссия и какие в ней люди?

С одним я даже познакомился, любопытства ради. Представьте, самый симпатичный человек в очках. И фамилия нестрашная: Живцов. И посмеяться любит, и чаёк пьет с удовольствием, но к десяти часам—он уже пунктуально на месте, т. е. на кладбище. Изучает.

Бывало, встретимся—бежит Живцов с тетрадью в одной руке, со свертком в другой. Тетрадь—для записи результатов

изучения, а в свертке—завтрак. Работы—на весь день. Так вот, чтобы не отрываться, завтрак с собой. Между делом, по пути от одного склепа к другому, он этот завтрак и кушает.

Иногда даже кушает под пение, если часом покойника подвезут. И уже добродушно приглядывается: дескать, и тебя, новопреставленный, изучу!

Словом, очень симпатичный, преданный делу старичок.

И вот какая стряслась с ним история.

* * *

Два месяца назад, покончив с изучением Симеониевского кладбища, перекочевал Живцов на Пантелеймонское.

Пришел, огляделся.

— Ну-ну!—радостно так очками блеснул.—Сколько-ж тут материала! Памятничков, склепчиков, церковок! Да этого добра мне на год хватит!

Глаза разбежались, как у женщины возле витрины „последних мод“.

— С чего,—думает,—начать?

И высмотрел он для почина могилку „Секлетеи Копцовой“.

— Не та ли Копцова, что была хозяйкой дома, в который однажды зашел Николай Васильевич Гоголь?

Вопрос, видите, серьезный. Стал изучать.

Только, представьте, приходит назавтра, а памятника—лови его!—нету. Сперли.

Это была одна из первых жертв новой эпидемии. И с того дня пошло-покатилось. За какой памятник ни возьмется—на другое утро нету его! Он за склеп, а назавтра и склепа нету!

Другой бы, может, умер на его месте от огорчения, но Живцов был крепок и тверд, как надгробная плита.

И прежде всего долг: нельзя умереть члену комиссии по изучению кладбищ!

Одним словом, решил Живцов приняться за что-нибудь недвижимое, чего, даст бог, не так легко воры угрут.

Присмотрел колокольню. Колокольни, сами знаете,—вещь громоздкая. Самое легкое и мелкое в колокольне—колокола.

— Эге!—подумал Живцов.—С вас то я и начну.

И вот залез он на верхушку. Два дня безвыходно изучал—на третий день за едой сбегал домой. Ворочается—а двух колоколов помельче—готово!—одни крюки на перекладине.

Должно быть, унесли на образцы.

Лихорадочно принялся за следующие. Но, верите ли, какая получилась ерунда?

У воров на эти колокола спешный спрос объявился. Пришли, конечно, после обеда и давай снимать, в порядке очереди.

А Живцов продолжает изучение. Они снимают, он изучает.

Уже все поснимали, остался самый большой. Уже за большой берутся. А Живцов еще не управился. Может, вы видали, какие-такие бывают большие колокола? У большого колокола — на изучение одного языка целый день ухлопать надо!

Словом, не поспел Живцов. А воры-подлюги тянут из-под рук! Действительно, какое дело вору до научных комиссий? Комиссия — не милиция.

— Сволочи!—кричит Живцов.—Карманщики несчастные! Дайте мне хоть язык докончить!

А у воров — свои взгляды на вещи: уже волокут колокол прямиком через то место, где прежде памятники стояли (украденные теперь).

Так и унесли с недоизученным языком.

Тут немножко прихворнул Живцов: всю ночь бредил и кричал насчет памятников и колоколов.

Но, представьте, на утро, около десяти часов, уже как ни в чем не бывало, он торопливо подходил к кладбищу, бодро рассуждая:

— Ну, что ж, перейду к изучению каменной кладки колокольни.

Изумительно, до чего стойки и живучи жрецы науки!

Подходит он к кладбищу, задумчиво поднимает глаза:

— Что такое?

А тут близко милиционер.

— Товарищ милиционер! Это ж к кое кладбище?

— А бывшего Пантелеймона.

— Как? Пантелеймоновское? А колокольня? Караул! Свистите, товарищ! Воры!..

Ну, милиционер, не разобравши дела—за свисток. Машинально два раза дунул, а потом спохватился. Спрашивает:

— Где воры?

— Да не видите разве? Колокольню унесли!

Милиционер сощурился: церковь есть, а колокольни, действительно, след простыл: одна дыра в небе...

—Тьфу! Это, значит, я за дурман свистел? А что унесли—верно. Вчерась еще стояла. От-то народ какой, мазурики!

И вот неделю назад стряслось самое жуткое в этой истории. Прямо тяжело писать!

Свидетели говорят, что видели Живцова — около десяти часов утра. И будто спешил он деловито с тетрадью и свертком—в сторону Пантелеймонского кладбища.

Ни в этот день, ни завтра он не вернулся. Прошло трое суток—а его нет.

Отправились искать. Ах, читатель, как это ужасно! Представьте, не нашли. Не нашли не только члена комиссии по изучению кладбищ, тов. Живцова, но и церкви не нашли, и соседнего моста, и двух-трех домов, и стекольного завода! Словно корова языком слизнула!

Уперли сволочи, обнаглевшие воры!

А Живцова, вероятно, по ошибке унесли. Кому он нужен?

Да, знаете,—опасно на этом свете, товарищи!

Ив. Прутков

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ

— Наконец-то мне удалось удалить эту язву!

— Чем? Операцией?

— Не... Нарсудом. Выселил квартирохозяйку!

АППЕТИТ

— Эх, беда! Прописал доктор моему Егорычу рюмочку перед едой...

— Ну-к, что-ж тут страшного?

— Да есть-то он стал теперь раз двенадцать на день!

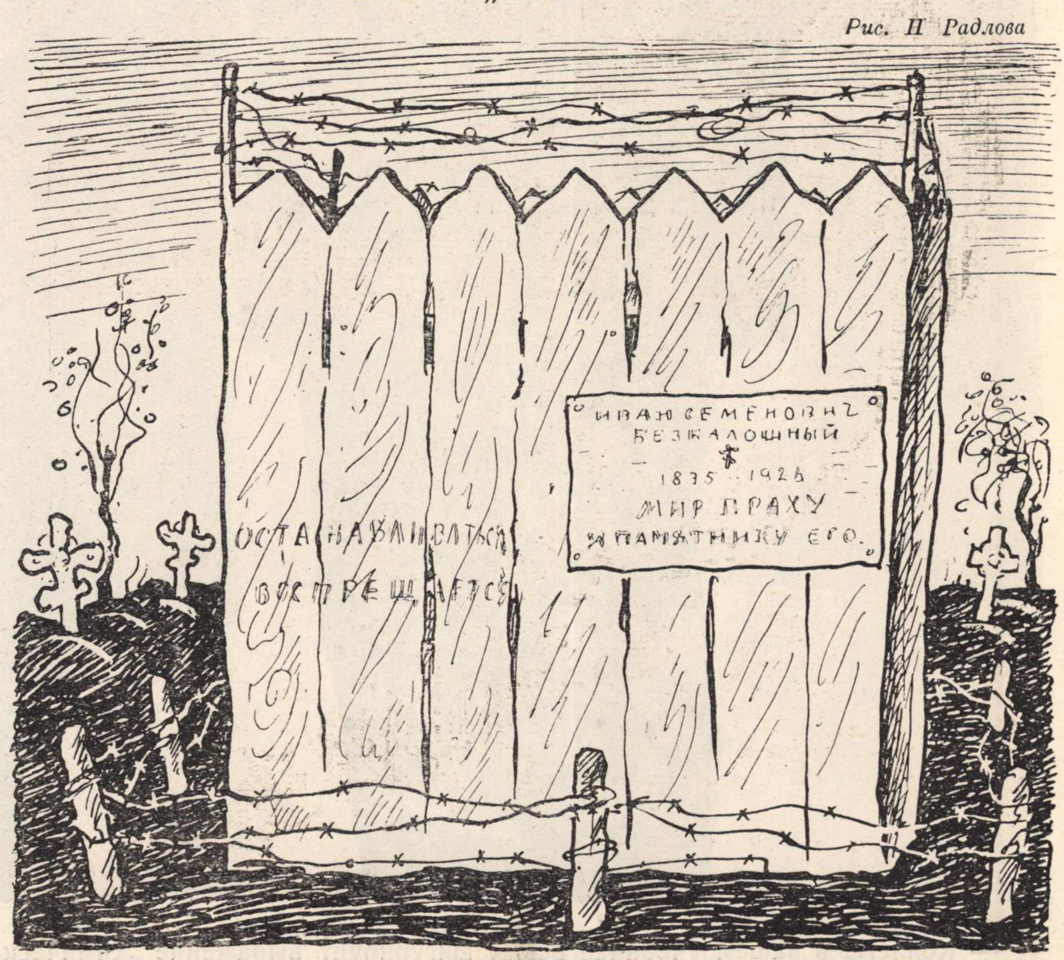
ВЕРХ ЭКОНОМИИ

— Вам какие калошки, гражданин? Одиннадцатый или двенадцатый?

— Дайте седьмой номер! Не могу я сейчас, по прежнему, на широкую ногу жить!

ПРОЕКТ „СМЕХАЧА“

Рис. Н. Радлова

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИК.

ВЕК ЖИВИ—ВЕК УЧИСЬ

„Жутко становится, когда мы присмотримся к нашим учебникам... Надо, чтоб наши учебники не были замкнуты в кругу политики."
(Из доклада т. Луначарского)

Рис. Л. Бродаты

— Коллега, в вашем учебнике всюду фигурирует выражение „химическая революция". Как это понимать?
— Видите-ли, строго говоря, нужно было бы сказать „химическая реакция", но я счел это не совсем удобным.

РАДУЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рис. А. Радакова

— Вон опять радуга многоцветная после дождя-то. Ишь, черти, при режиме экономии можно бы и в два цвета пустить!

НЕПРАВИЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

— Отчего у вас жел-дор-движение хромает?

— А как же ему не хромать, ежели на пути все костыли сломавши!

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

— Вы профсоюзник?

— Нет.

— Так чего ж вы говорите, что работаете по женской линии?

— Да я ж ведь гинеколог!

СРЕДИ ЗАВОВ

— За какой склад сидели?

— За особый склад ума.

БЕЗУСЛОВНО

— Тов. кассир! На прошлой неделе мы вам дали казенные деньги, а теперь у вас их уже нет! Придется в суд подать!

— Ну, это вы бросьте! На нет — и суда нет!

КА-РА-УЛ!

(Вопль от чистого сердца)

Уважаемые места и лица,
Губерния, волость, столица,
Набатный услышьте гул!

Займитесь рабочим тылом:
Без штанов, с разукрашенным рылом,
По Союзу пошел Прогул.

В шею анкетные бредни
„Антипрогульных программ"!
Хватит у трестов в передней
На сей предмет диаграмм!

К чертям развеселые арии!
Время лезть напролом,
Покамест народ в „Баварии"
Не лег под пивным столом!!

Хлебнувши очищеной вёдра,
Больничный стрельнув бюллетень,
Прогул матерится бодро,
Шагает в завтрашний день.

Тысячи, тысячи схожих,
Вереница злых вереениц
Ухмыляется битою рожей
Со столбцов отчётных страниц.

Урал, Москва, Украина!
В такой-ли живёте век?!
Не стыдно-ль: трезва машина,
И — в доску пьян человек?!

Ужели, плывя в просторе,
В Европу раскрыв окно,
Нырнем в разливанное море,
Головою нащупав дно?!

Не слух, не веселая байка —
О „сотке" в любом кулаке,
О том, что бренчит балалайка,
Балалайка в пьяной руке...

Болтуны, затыкайте глотки,
Люди дела, стройся в ряды!
Да не сгинут в пучине водки
Великих трудов плоды!!

Александр Флит

СЛУЧАЙ НА ВОКЗАЛЕ

— Вот,—сказал носильщик с бляхой номер двадцать два,—вот, наступает лето. Вот, поедут на курорты, на юг, в дома отдыха люди, у которых в кармане еле-еле прощупаешь бумажку. Эх, полюблю-ка я этих людей, буду помогать им на пересадке, буду доставать им билеты, буду беречь их багажишко, все буду делать, а платить пусть платят мне по таксе. Что в таксе написано—то я и буду брать. Пойду-ка я, да посмотрю эту самую таксу, что в ней написано.

Пошел носильщик с бляхой номер двадцать два, нашел на стене таксу, прочитал ее и умилился:

— Вон они какие бывают таксы,— сказал он,—хорошая такса! Знаменитая такса! Но только я буду брать на гривенник меньше. Вот я какой! Сегодня же и начинаю!

И пошел носильщик с бляхой номер двадцать два к подъезду. И не сделал он двух шагов—глядь, пассажир. И по всему видно, что едет в дом отдыха или куда нибудь на юг к родным.

— Носильщик,—спросил пассажир,— свободны?

— Свободен,—улыбнулся носильщик, предвкушая удовольствие связать хороший замысел с хорошим исполнением.

— Ну, ладно. Так вот, носильщик, не можете ли вы достать мне билет на сегодня на почтовый до Ростова? А?

— Могу.

— Сколько же это будет стоить?— поинтересовался пассажир одну только капельку дрогнувшим голосом и даже зажмурился, чтобы не так страшно было.

— Будет это стоить 25 копеек,—сказал носильщик.

— Эх, носильщик, носильщик,—горько произнес пассажир и даже рукой махнул,— над богатым пассажиром так не издевался бы! Стыдно, носильщик!

И вяло побрел дальше.

— Гражданин,—остановил его носильщик,— разве я смеюсь? Не смеюсь я, гражданин. Правда, другие носильщики запросили бы с вас пятерку, а я, гражданин, полюбил таких, как вы, пассажиров и, как сказал: четвертак—так больше и не возьму. Пожалуйте денежки, а я через полчаса принесу билет! Пройдите в зал ожидания!

Пассажир, как во сне, протянул ему деньги. Десять минут просидел пассажир в зале ожидания, просидел, как на горячей плите, и, когда ему стало совсем невмоготу, он бросился к кассе и, не глядя на носильщика с бляхой номер двадцать два, пролепетал:

— Будьте добры, верните мне деньги! У меня экстренно расстроилась поездка.

Получив деньги, он разглядел их на свет и только после этого успокоился и уплатил носильщику за беспокойство четвертак.

А потом, дождавшись, когда носильщик с бляхой номер двадцать два ушел, бросился к носильщику с бляхой номер сорок семь.

— На почтовый. На сегодня. На Ростов. Сколько?

— Пятерочку положите-с!

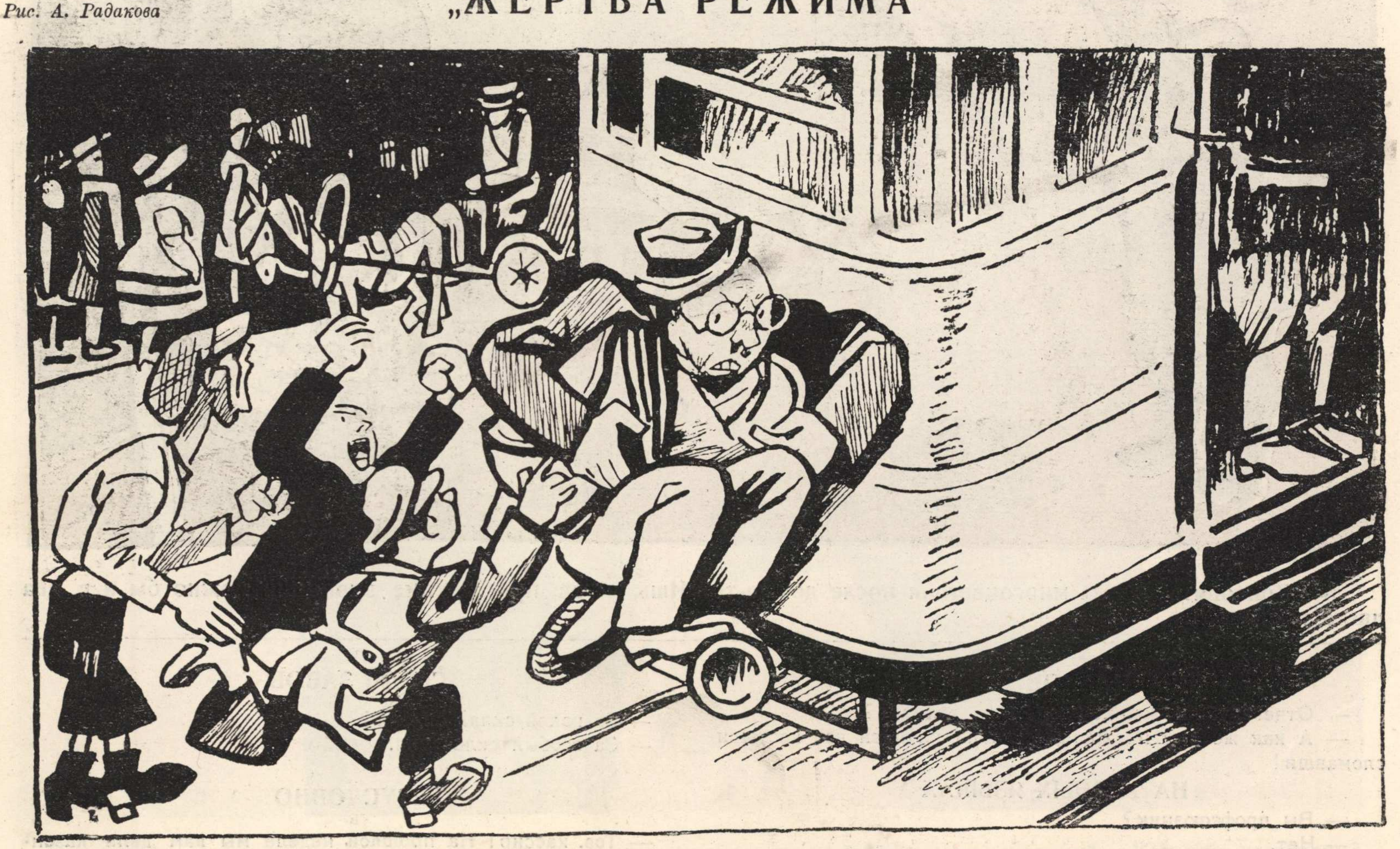
И человек оторвал от своих маленьких денег пятерочку и положил ее. А положив, сказал:

— Вы, если встретите носильщика № 22, спросите, не потерял ли он свою бляху? Он-то потеряет, ему ничего, а сколько народа околпачит нашедший эту бляху жулик?

Евграф Дольский

„ЖЕРТВА РЕЖИМА"

Рис. А. Радакова

— У! Такой здоровый дядя и на колбасе едить!

Председатель треста (про себя): Вот и попробуй тут объяснить детям — что такое режим экономии!..

„НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ“

(У РАЗВАЛИН РИМСКОГО ФОРУМА)

Рис. Б. Антоновского

— Подумаешь! Нашли чем хвастаться: разрушенными домами!

БЕЗРАБОТНЫЕ МЫСЛИ

1. Человек, беседующий с фининспектором, напоминает посетителя парикмахерской: оба с пеной у рта ждут, пока их не побреют до-гола.

2. Всякий рабкор всегда готов заморить червяка... поданного в супе в рабстоловой.

3. Если завкоопу нужно хорошенько промочить горло, — жди усушки в кооперативе.

4. Если ты поехал на растратные деньги на курорт, то не валяйся у всех на виду на пляже, ибо там такой песок, что легко засыпаться.

5. Если ты вырезал бумажник в трамвае, — то ты карманник! Если же ты вырезал половину отечественного кинофильма, то ты — гениальный режиссер!

6. Трудно подрядчику составить смету, чтобы в ней не было состава преступленья.

7. Не думай, что треть, присуждаемая за алименты, устанавливается третейским судом. С этим делом прекрасно справляется и нарсуд.

8. Прокурор не бывает гостеприимным хозяином, ибо гостеприимный хозяин не знает прямо, куда гостя посадить, а прокурор всегда знает.

М. К-ий

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ЛЕКЦИЯ В АЛУПКЕ

Надо думать, что эта лекция в местном клубе о старом быте, пьянстве и проституции была поставлена культотделом ялтинского райпрофбюро в плановом порядке. Лектор Лукьянов метал громы против гнилостных отрыжек проклятого прошлого и с дрожью в голосе клеймил „старых людей на новой земле“.

А когда лекция кончилась... Впрочем, пусть об этом расскажет севастопольский „Маяк Коммуны“.

А когда кончилось все, и публика розошлась, лектор тоже разошелся.

Во-первых, он напился до положения риз (не пьянствовать!).

Во вторых, попав на квартиру завклуба, он приложил все усилия к тому, чтобы изнасиловать квартирную хозяйку (не прелюбодействовать!).

Отречемся от старого мира? Хорошо!

Отряхнем его прах с наших ног? Великолепно!

Но что прикажете делать, если этот самый проклятый прах пристал, как банный лист?

Не читать лекций о новом быте!

„АЗЕФ“ В ВОРОНЕЖЕ

Может ли новая пьеса итти в Воронеже? Может, конечно. Ну, она и шла в местном большом театре. „Воронежская Коммуна“ в № 64 сообщает следующие подробности этой постановки:

Публики—полный зал. Все с напряжением смотрят одну из последних картин пьесы—то место, где Азеф предает Зильберберга. И вдруг откуда-то с вышины, не с галерки, а над самой сценой раздается сочная многоэтажная матершина. Судя по сбивчивому смыслу ее, она адресуется непосредственно артисту, исполняющему роль Азефа. Наступает естественное смятение в рядах артистов. Картина, под продолжающийся поток изощреннейшей ругани, прерывается.

Оказывается, что автором этой не предусмотренной режиссурой вставки в пьесу является пьяный рабочий сцены, сидевший на колосниках, т. е. над сценой, и долженствующий производить по ходу пьесы различные сценические эффекты по указаниям режиссера.

Отсюда вывод: даже самый талантливый режиссер, будь у него „семь Мейерхольдов во лбу“, не может предусмотреть всех сценических эффектов.

Поистине, пути театра неисповедимы!

ПЕРЕБРОСКА СЫРЬЯ

В эпоху экономии и кризисов очень полезна переброска сырья из районов, где оно имеется в изобилии, в районы, в которых чувствуется сырьевое „недоедание“.

Но вряд ли томская переброска имеет под собой логическое и экономическое основание.

(Фабрика «Маяк Революции»).

В часы наименее напряженной работы у нас рабочие выдумали *кидаться друг в друга массой, идущей на изготовление бумаги.*

То и дело мелькает она в воздухе.

Не мало растрачивается при этом ценного материала.

Такую дорогую потеху необходимо прекратить.

„В часы наименее напряженной работы“ рабочие перебрасываются массой. Очевидно, в часы наибольшего напряжения идет переброска готовыми изделиями.

И такие веселые люди пропадают в сибирской тайге?!

ДВА СТОЛЕТИЯ СВЕРХУРОЧНЫХ

В докладе старшего инспектора Труда Рязанско-Уральской жел. дор. инженера Ефремова на дорожном съезде интрудов были приведены интересные цифры годовых часов сверхурочной работы по Р.-Ур. жел. дороге.

Так, за последний отчетный год цифра сверхурочных выражается в 443129 часах, то-есть в 55392 раб. дня или 192¼ рабочего года.

Два столетия! В том же докладе приводится, что по всем дорогам СССР за истекший год величина сверхурочных часов равняется 8.000.000.

Не страшно, товарищи! Один день хорошего режима экономии может стереть с лица земли два столетия! И не заметите!

ВЫВИХ МОЗГОВ

В Клемове (Украина) существует школа политграмоты. По случаю окончания школы, некий гражданин Бортников, пословам харьковского „Коммуниста“, представил нижеследующую „записку о пройденном“:

— Тот рост нашего хозяйства,—начинает Бортников,—о котором мы очень много толкуем, ни в коем случае не говорит за то, что мы имеем возможность хотя бы в течение 20 лет поговаривать о социализме.

И вот, почему:

Во-первых, «наша страна есть, одна из стран земного шара, преобладающей страной природными богатствами, но насколько она является преобладающей страной, насколько она является, нищенской страной». Во-вторых, «хотя мы в настоящее время стремимся недостающие 62 проц (?) продукции и городского производства дополнить путем ввоза из-за границы, но этот момент нам говорит за то, что мы осуществляем смычку не с русскими крестьянами, а с западно-европейской буржуазией». Третья причина—«наша неверная в корне денежная политика» и четвертая и последняя причина—«наша в корне неверная экономическая политика вообще, и за последние два года в частности». А посему Бортников заключает:

— Я установил по материалам Слуцкиной и Гурвича, что для того, чтобы подойти до подлинного социализма, нужно шагать 800 лет. (!!)

Оный гр. Бортников состоит, по сведениям той же газеты, на учете в орграспреде Шепетовского Партийного Комитета и является учеником одной из партийных школ.

Если, по мнению Бортникова, „до социализма нужно шагать восемьсот лет, спрашивается: *куда шагают товарищи из Шепетовского Парткома?!*

САМИ ВИНОВАТЫ!

Одна из Ленинградских газет сообщает:

«Образцовый» порядок в доме отдыха № 1 в Новом Петергофе До того образцовый, что отдыхающие раньше срока стали разбегаться.

Не знаем, какого метода питания придерживается администрация дома, когда пищу отдыхающим начинает выдавать не раньше 10 часов утра и в 7 часов вечера уже ужин, а с 7 вечера до 10 ч. утра отдыхающие ходят голодные.

А кто же их заставляет по ночам ходить голодными? Спать надо!

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

кино-тупоумия отмечает „Пролетарий“. В одном из кинотеатров Киевского района красовался не так давно такой плакат:

«ВНИМАНИЕ!!!

Кто не видел никогда государя императора Николая II, спешите посмотреть.

Только один раз. Только один день!!

Смотрите картину—

«Камергер двора его величества!»

Николая-то мы видели, а вот на киноадминистратора посмотреть было-бы любопытно.

БИБЛИЯ ДЛЯ НЕВЕРУЮЩИХ

Рис. Б. А.

КНИГА ЖИВОТА

КИТ, КЕТА и СОРОКА - КРАСНОБОКА

Красная Кооперация в Сороке (Мурм. край), как водится, не торгует неделикатными товарами, вроде пеньки для рыбацких сетей, Кр. Кооперация торгует, ежели желаете знать, свежей *кетовой икрой, по 1 р. 50 к. фунт.* Узнал народ из объявления, что будет отпускаться икра, и попер в кооперативный хвост. Произошло маленькое недоразумение.

Кетовую икру сочли за *китовую* икру. И стали в хвост—из простого, но законного любопытства. («Э. Ж.»).

Разочарованию не было пределов. Какой смысл покупать кетовую икру в рыбацком районе, когда фунт свежей семги стоит четвертак!

Хорошо, что Сорока—болтлива, а то бы так и не узнали мы о высоких качествах местной кооперации.

ЖЕЛЕЗО В ДЕРЕВНЮ

По слухам Рязанского «Сов. Клича»—

На ст. Старожилово есть Истьинская ветка железной дороги. Проложена она на 12 верст к заводу.

Эту ветку крестьяне растаскивают

К июлю месяцу крестьяне расчитывают разобрать и самую ст. Старожилово.

КИСЛЫЕ МЫСЛИ

Москва велела, и старательно
Береж наводят по местам.
А—без Москвы: самостоятельно?..
Ужель напрасная мечта?

Везде береж. Но, шуток кроме, я
Боюсь, смятением объят,
Что съэкономит экономия
Лишь.. средства для грядущих трат.

Сейчас захвачены горячкою,
Но поостынет пыл, и вот—
Вновь пачка жирная за пачкою
Червонцев—на-ветер пойдет.

Взамен дежурного сжимания
Залезет в кассы глубоко—
Очередная шикомания,
Рекламомания и К°.

Зарыщут форды по окраинам,
В мир рощ и сочной муравы...
Ужель так трудно быть хозяином—
Всегда, без почты из Москвы?

В. Князев

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Э, (думает читатель) из газет да из журналов трудно-ли тараканов натаскать. Газетная стряпня известная. На скорую руку не то что таракана, а и целого крокодила запечешь.

Вот и взялись мы за научную книжку. Пишут академики. Издает Гос. Публичн. Библиотека. Читнули. О „Происхождении американского человека“. Одной фразой решили с читателем поделиться. Пусть тоже об американском человеке узнает!

— «Представьте, в момент, когда вы у выхода из колодца или пропасти, в которую так легко свалиться и куда, к тому же, вас дружески или недружески усердно толкают многие близкие и далекие, или, вернее, тянут снизу из искреннего убеждения, что весь мир находится в этом темном колодце или бездонной пропасти, так как иного света им не приходилось видеть, в момент, когда, казалось бы, еще один шаг, одна опора для ноги, и один переброс веревки через показавшуюся вдали зацепку, чтобы выкарабкаться на вольный простор, в это время кто-то (действительность или призрак? пусть призрак во сне, поскольку и до сих пор, повидимому, некоторым представляется, что яфетидологические уже доказанные положения, — а их не так-то мало, — это сказки, пожалуй, и возможные выкладки, которые можно делать сколько угодно, но без всякой пользы для дела), итак, в это, следовательно, время кто-то нагибается к вам с края колодца или пропасти и, взяв вас крепко за оба локтя, собирается тащить вас вверх, не сознавая, однако, что он кого-либо тянет или, вернее, не чуя вовсе вашего, собственно, нашего—речь идет о нас, яфетидологах — существования, т.-е. нашего мышления, ведь и в XX в. cogito, ergo sum — «имею свое мышление (мышление не мое индивидуальное, а нашего времени), следовательно существую», так как нельзя существовать в XX веке, мысля по шаблонам XVIII-го столетия.

В чем же дело?»

Действительно. В чем дело-то? Так и не знаем. И не знаем даже—куда и за что академика тянут. Не за язык-ли?

*

Сергей Буданцев пишет в „Красной Панораме“ (18):

Молниеносным и влажным ударом—силача и боксера—в подбородок—Эддингтон поднял на себя глаза вахмистра.

Поднимешь тут глаза, ежели получишь такой влажный удар. Может, Буданцев объяснит: чем отличается сухой удар от влажного?

*

В одном из номеров „Жизни Искусства“ Вл. Недоброво обозревает кино-театры. Описывая фильму „Последний Шемет“, веселый и взыскующий кино-правду рецензент пишет.

Эггерт экранировал „Медвежью свадьбу“, в результате—двоякость впечатления — *неудовлетворительность за „что“ и радость за „как“*.

Ах, Недоброво, Недоброво—не сдобровать бедному кинозрителю от таких рецензий!

КОНФЕРАНСЬЕ

(Дружеский шарж)

Рис. Н. Радлова

Пятница 21 мая. в Большом зале Филармонии
КОНЦЕРТ пианиста ЭЛИНСОН.
С речью выступит Нарком по Просвещ. А. В. Луначарский.
Билеты в кассе Филармонии от 12 час.

(„Красная Газета“).

... — Итак, первым номером нашей программы выступит всемирно известный виртуоз, чемпион рояля товарищ Элинсон!..

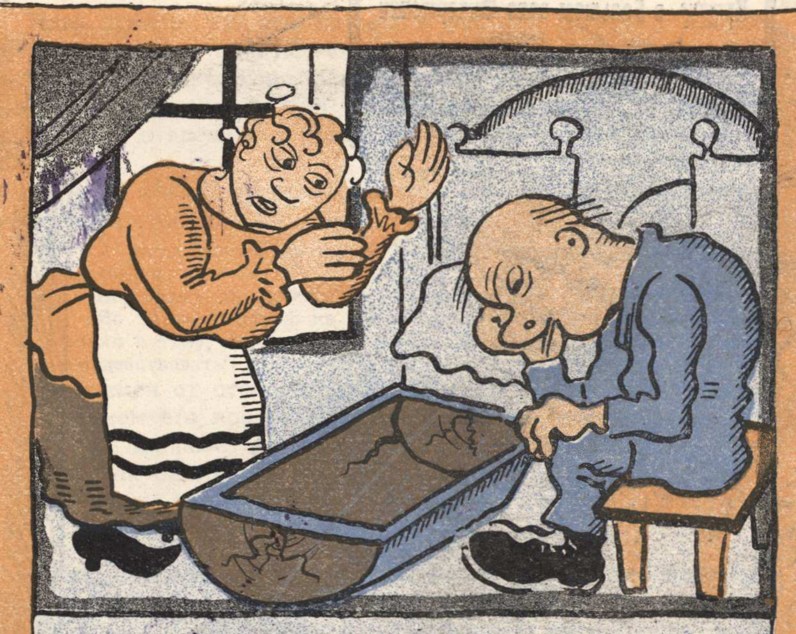
Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 16699. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2944. Тираж 80.000

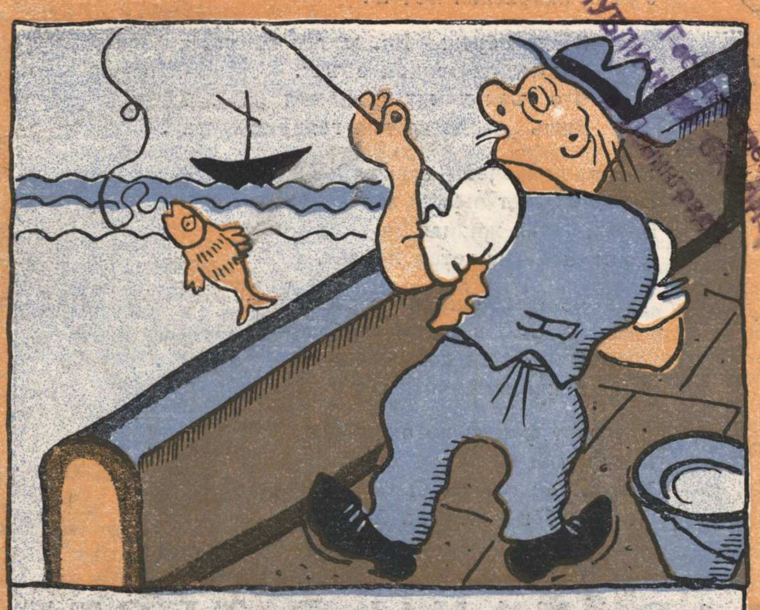
СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ И РЫБАКАХ

(ПО ПУШКИНУ)

Рис. Н. Радлова — *Текст Ив. Пруткова*

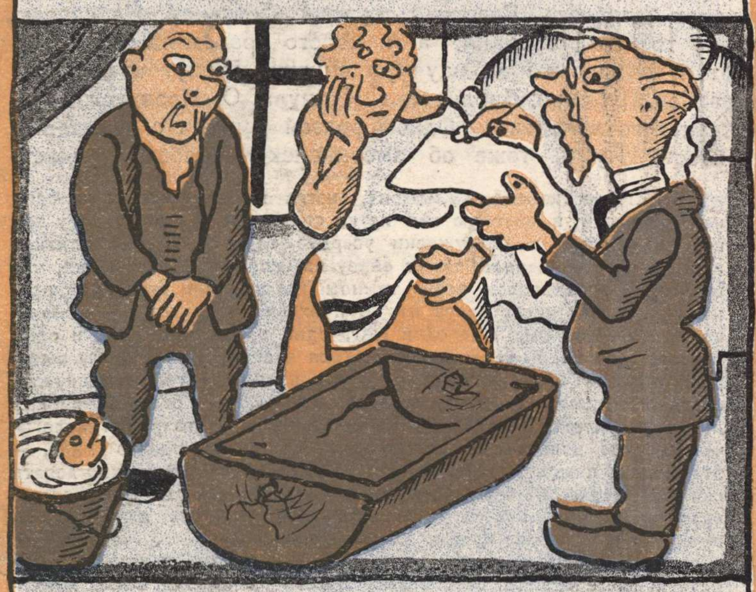
1. Жил старик со своей старухой
У самого Синего Мосту.
Старик глядел на пустое корыто
А старуха тоже глядела.

2. Пошел старик на Фонтанку,
Закинул поплавок в воду.
Поймалась рыбка не простая,
Не простая, 96-й пробы.

3. И слух пошел по селенью:
Мол, старикам счастье подвалило!
И уже управдом навстречу —
„Здравствуйте, лица свободной профессии!“

4. А за ним и жилпредседатель —
„Платите, граждане — или выселим...“
Опечалились старик со старухой,
Ругают золотую рыбку.

5. Стал думать старик думу:
„Ну, тебя — думает — рыбка, в болото!
Ступай к чертям в Фонтанку,
Гуляй в мутной водице!“

6. И живет старик со старухой —
Как прежде — без золотой рыбки.
А корыто с молотка продается:
„Дер-ревянное. Подержаное. С поврежденьем.“